

Различение, таким образом, есть сигнал «употребленности» символа, сигнал вхождения его в текст. Это исходное текстообразующее отношение, лежащее в основе парадигматики и синтагматики. «Парадигматически» оно реализуется как альтернатива, а «синтагматически» как адьюнкция символов. Это и есть основные принципы деконструктивизма: различение без различия, присоединение без единства. Согласно этим принципам, любой текст незавершен, поскольку всегда допустимо продолжение текста, и любой текст произволен, поскольку всегда допустим другой текст.

Не нужно забывать, однако, что синтагматика и парадигматика также определяют возможные тексты. Им также соответствует своя стратегия письма. Для повествовательных текстов значима синтагматика. Их стратегией является т а к с и с — линейная преемственность фраз, репрезентирующая линейную преемственность событий (Ф-миров). Поэтический принцип, «проецирующий ось выбора на ось последовательности» (Р. Якобсон), актуализирует парадигматические отношения и, очевидно, предполагает стратегию «переключения» (ср. различные типы параллелизма).

Что касается «различения», то оно активнее всего в текстах модернизма (в «автоматическом», «спешащем» письме) — от Малларме до «нового романа». Однако в принципе это основа любого письма. Так, в научном письме она проявляется в парентетических вставках (вторжениях другого текста) и в «петерах» и т. д., и т. п. Последние не только символизируют, но и демонстрируют адьюнктивность текста, его «самостоятельность»:

И + : Т + : Д + :

«Содержательность» научного изложения уступает место чистой игре текста.

Теперь, если вернуться к (1)—(6), очевидно, что они репрезентируют Е-миры — вводят сингулярную ситуацию, не связанную презумпциями говорящего. (2)—(5) содержат также объектную переменную и постулируют сингулярное значение этой переменной, неизвестное говорящему (неизвестно, куда плыть, сколько было сестер, кто такие «не мы»). Следовательно, они постулируют возможный мир, в который проецируется значение переменной и который не совпадает с миром говорящего. При этом безразлично, реален или ирреален этот мир: важно, что он существует и что переменная имеет значение.

(3)—(5) обладают не референцией, а, скорее, референностью: они ничего не обозначают, а только постулируют существование обозначаемого. Функция этих концовок сводится к переключению: они вводят другой мир, но ничего не могут сказать об этом мире.

Переключающая концовка отрицает не только возможность Е-мира, но и возможность высказывания об этом мире.

Говорящий не может утверждать что-либо и сомневаться в истине своего утверждения, как в (6). Говорящий не может не знать значения шифтеров, как в (4), (5). Если неизвестно, сколько н а с было и м ы ли это, то может ли говорящий вообще употреблять слово *мы* и можно ли считать его говорящим? Ведь содержание этого слова определяется только самосознанием говорящего в каждом конкретном акте речи. Противоречив, очевидно, и вопрос о цели собственных действий в (2), (3).

Таким образом, как высказывания говорящего (2)—(6) противоречивы. Они отрицают возможность своего произнесения. Они возможны только как тексты Другого и, стало быть, другие тексты. Но это и есть единственный способ, каким даны говорящему Е-миры. Эти миры постулируются, формулируются, и этого достаточно для их существования. Существовать для Е-мира значит быть сформулированным, быть текстом. Высказывания же кроме того, что они являются текстами, имеют презумпцию о б щ е й в о з м о ж н о с т и — стандартности (модельности)